

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Гопчий Ирины Владимировны
о диссертации Шурко Ильи Ивановича на тему

«Гиперлокальные медиа атомных городов России: особенности, специфика организации творческой деятельности в контексте цифровой трансформации социального института журналистики», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Актуальность диссертационного исследования Ильи Ивановича не вызывает сомнений и обусловлена рядом факторов теоретического и практического характера. Цифровая трансформация социального института журналистики, сопровождающаяся ростом транзитивности общественного сознания и конкуренцией за внимание аудитории, актуализирует поиск эффективных моделей локальной коммуникации. В условиях доминирования федеральной и глобальной повестки гиперлокальные медиа становятся ключевым инструментом конструирования территориальной идентичности и поддержания психологического благополучия жителей малых городов. Автор фокусируется на уникальном эмпирическом объекте – атомных городах (атомградах) России, которые представляют собой особые социокультурные общности с высоким образовательным уровнем и специфической «атомной» идентичностью. Комплексное изучение медиа этих территорий, не проводившееся ранее в таком объеме, отвечает насущной научной и социальной потребности в осмыслении механизмов сохранения локальной идентичности в цифровую эпоху.

Научная новизна диссертации заключается в ряде оригинальных теоретических и эмпирических результатов:

1. Уточнено и расширено понятие «гиперлокальные медиа» применительно к российским реалиям: автор обоснованно дополняет географический критерий принципом репликации культурно-исторических особенностей совокупности определенных местностей, что отличает гиперлокальные медиа от просто локальных.

2. Впервые разработана и апробирована трехкомпонентная модель конструирования коллективной идентичности сообщества атомного города гиперлокальными медиа, включающая нарративную, партиципативную и просопографическую идентичности.

3. Выявлены и систематизированы языковые маркеры «атомной» идентичности, подтверждающие, что специфика территории пронизывает все тематические блоки повестки (безопасность, ЖКХ, культура), даже при отсутствии прямых материалов об атомной отрасли.

4. Введен в научный оборот и проанализирован значительный объем нового эмпирического материала (свыше 15 000 публикаций, экспертные интервью, кейс розыгрыша), характеризующего работу гиперлокальных медиа шести атомградов из различных макрорегионов России.

Теоретическая значимость работы состоит в интеграции концепций транзитивности (Т. Д. Марцинковская), коммунитаризма (А. Этциони, У. Галстон) и теории гиперлокальных медиа (К.-Г. Линден, Э. Мецгар, К. Тенор, О. С. Довбыш, С. В. Курушкин, Е. Ю. Юдина) для анализа региональной медиасреды. Предложенная модель идентичности может быть экстраполирована на другие типы локальных сообществ России.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в редакционной политике региональных и муниципальных СМИ, в системе профессиональной подготовки журналистов, а также в деятельности органов местного самоуправления и PR-структур Госкорпорации «Росатом».

Объект и предмет исследования сформулированы корректно и логически взаимосвязаны. Объект – гиперлокальные медиа атомных городов цифровой эпохи – задает четкую эмпирическую рамку. Предмет – особенности организации творческой деятельности в контексте цифровой трансформации – позволяет сфокусироваться на процессуальных и содержательных аспектах. Цель работы достигнута через решение шести взаимосвязанных задач, охватывающих теоретический анализ, эмпирическое изучение медиакартин, интерактивных практик и факторов влияния на производство контента.

Достоверность выводов И. И. Шурко опирается на солидную эмпирическую базу: автор проанализировал 3 450 публикаций (контент-

анализ), отследил 12 288 постов (мониторинг взаимодействия), провел 6 глубинных интервью с редакторами и журналистами атомградов. Важно, что диссертант не был сторонним наблюдателем – его опыт работы в редакции «Белка ТВ/FM» позволил увидеть проблему изнутри, а метод включенного наблюдения позволил зафиксировать реальные производственные алгоритмы. Методы выбраны адекватно предмету и органично сочетают количественную и качественную логику. Список литературы (160 наименований) демонстрирует глубокое погружение автора в научный контекст: от классических трудов по социологии журналистики до современных исследований психологии идентичности в транзитивном обществе.

Диссертация имеет стройную, логичную структуру.

В Главе 1 Илья Иванович не ограничивается компиляцией существующих теорий, а предлагает собственные аналитические обобщения. Особого внимания заслуживает авторская интерпретация термина «гиперлокальные медиа». Соглашаясь с базовыми зарубежными дефинициями, И. И. Шурко обоснованно расширяет их, утверждая, что гиперлокальные медиа, в отличие от просто локальных, «реплицируют в своих медиапрактиках культурно-исторические особенности совокупности определенных местностей» (с. 45). Такой подход позволяет вывести изучение феномена за рамки узкой географии и связать его с сетевыми взаимодействиями «цифровых соседей».

Глава 2 является, на наш взгляд, наиболее сильной и эмпирически насыщенной. Используя метод фреймового анализа, автор создает сводную медиакартину атомных городов. Убедительно выглядит вывод о том, что центральными макрофреймами являются «Безопасность», «Культура и искусство», «ЖКХ и благоустройство» (с. 77). Однако наибольший интерес вызывает анализ интерактивных форматов. Автор детально, на конкретных кейсах показывает, как работает механизм публикации пользовательского контента (UGC). Например, в «Студии "Видео-Дон"» обращение жителя о высоких коммунальных платежах под хештегом #Нам_пишут стало поводом для журналистского расследования: «Редакция ресурса выполнила просьбу жителей, добившись от управляющей компании ответа на запрос, в котором коммунальщики пообещали сделать перерасчёт оплаты услуг» (с. 82). Этот

пример наглядно иллюстрирует превращение гиперлокального медиа в реальный инструмент социальной защиты граждан.

Отдельного внимания заслуживает системный анализ интерактивных форматов, которые диссертант выделяет в работе гиперлокальных медиа атомных городов. Вместо того чтобы ограничиться общим тезисом о «важности обратной связи», И. И. Шурко детально классифицирует конкретные инструменты: публикации на основе пользовательского контента (UGC) под хештегом #Нам_пишут в Нововоронеже, опросы жителей на улицах в Сосновом Бору, прямые эфиры с представителями власти в Заречном, конкурсы и благотворительные краудфандинговые кампании в Балаково (с. 82–90). Каждый формат проиллюстрирован реальным кейсом с указанием даты, темы и реакции аудитории.

Автор не пытается приукрасить реальность. Вопреки привычке многих исследователей сосредотачиваться только на успешных кейсах, И. И. Шурко подробно разбирает и теневую сторону гиперлокальной коммуникации – язык вражды, инвективную лексику, неуважительные высказывания о мигрантах и чиновниках (с. 95–97). Для диссертанта это не просто «этическая проблема», а конкретный вызов для модераторов, требующий не только технических фильтров, но и вдумчивой редакционной политики.

Глава 3 посвящена «внутренней кухне» редакций. Автор не просто перечисляет, что влияет на работу (власть, бизнес, аудитория, деньги, кадры), а показывает, как эти факторы сталкиваются и противоречат друг другу. Например, контракты с «Росатомом» дают стабильность, но ограничивают критику; фрилансеры экономят бюджет, но снижают оперативность (с. 101–109). Ценными представляются данные экспертных интервью. Генеральный директор «Канал СТВ» Светлана Калужская прямо указывает на зависимость редакционной политики: «Принцип сегодняшней журналистики, как вы понимаете – кто платит, тот и заказывает музыку» (с. 101). А основатель «Типичного Балаково!» Александр Тихонов, напротив, декларирует независимость, заявляя миссию: «Во время запуска медиа нашей целью было сделать город лучше» (с. 110). Столкновение этих позиций в тексте диссертации создает объемную картину современного локального медиарынка.

Особо ярким фрагментом является описание реализации мемориального потенциала на примере телеканала БелКТВ (Заречный). Описывая проект «Заречный всегда молодой. Реакция», Илья Иванович приводит цитату жительницы города И. Евлантьевой, которая после просмотра оцифрованной архивной записи сказала: «Вам спасибо огромное за воспоминания, за эмоции вновь пережитые... в памяти все равно со временем все стирается, но самое дорогое должно оставаться...» (с. 116–117). Эта цитата не просто иллюстрирует методику работы, но и эмоционально подтверждает высокую социальную значимость гиперлокальной журналистики как хранителя памяти сообщества.

Автор внимательно следит и за технологическими трендами. Он честно признает: нейросети в гиперлокальных медиа пока – скорее игрушка. Примеры говорят сами за себя: ожившая радуга в Заречном, города в образе людей в Нововоронеже, песни о Балаково, написанные ИИ (с. 124–126). Но при этом он фиксирует важный сдвиг: когда генеративный контент попадает на благодатную почву (праздник, важная дата), аудитория откликается. «Сгенерированный видеоконтент в сочетании с важным поводом позволил привлечь широкое внимание аудитории» (с. 125). Значит, нейросети способны работать не только как аттракцион, но и как серьезный производственный инструмент. Вопрос в том, как их встроить в редакционные процессы.

Отдельной положительной стороной работы следует признать раздел с практическими рекомендациями по расширению возможностей редакций (параграф 3.2). И. И. Шурко предлагает конкретные, технологически проработанные предложения. Среди них – создание мобильного приложения для конвергенции всех платформ медиа (телевидение, радио, газета, архив) с выходом на отечественный сервис RuStore (с. 127–128); разработка интерактивной карты событий с элементами дополненной реальности (с. 128–129); использование AR/VR-компонентов для создания иммерсивных туров в прошлое атомных городов на основе оцифрованных видеоархивов (с. 129–130); внедрение чат-ботов для автоматизации сбора обращений и фактчекинга (с. 131–132); а также применение систем распределенного реестра (NFT) для монетизации контента и повышения лояльности аудитории (с. 132–133). Важно, что эти предложения не выглядят фантастическими: Илья Иванович привязывает их к существующей инфраструктуре Госкорпорации «Росатом»

(фонд «АТР АЭС») и актуальным трендам импортозамещения. Такая прикладная направленность существенно повышает ценность диссертации для практиков локальных медиа.

При общей высокой оценке работы, в порядке научной дискуссии позволим себе высказать несколько соображений и задать вопросы, требующие уточнения.

1. В параграфе 1.2, говоря о типологии гиперлокальных медиа К. Тенор, Вы заключаете, что «гиперлокальные медиа могут обладать как профессиональным, так и любительским статусом». Однако из вашего эмпирического анализа (глава 2) видно, что гражданские паблики («Типичный Балаково!», «Типичный Волгодонск») по ряду параметров (регулярность мониторинга комментариев, глубина аналитики, кадровая политика) все же уступают профессиональным («Белка ТВ», «СТВ»). Не является ли любительский статус онтологическим ограничением для гиперлокального медиа в реализации его миссии по консолидации сообщества? Или в цифровую эпоху любительская журналистика способна полноценно заменить профессиональную на микроуровне?

2. Вы хорошо описали проблему несоблюдения сетевого этикета (инвективная лексика, язык вражды) в комментариях (параграф 2.2). При этом Ваши рекомендации по решению проблемы сводятся к технической модерации (фильтры, черные списки). Не считаете ли Вы, что более глубокая проблема лежит в плоскости *медиапедагогики* аудитории? Какие методы (помимо запретительных) могут использовать гиперлокальные медиа для культивирования культуры дискуссии, учитывая их высокий уровень доверия среди местных жителей?

3. На с. 78 Вы убедительно связываете частотность языковых маркеров атомной идентичности с редакционной политикой и контрактами с предприятиями. Однако из Ваших же данных следует, что даже при отсутствии таких контрактов (Волгодонск, Певек) маркеры все равно присутствуют. Не является ли это проявлением более фундаментального фактора – разной *глубины укорененности* атомной идентичности в массовом сознании жителей разных городов? Или, иначе говоря, есть ли города, где

